

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

ПРЕПОДАВАНИЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (К 150-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ ММА ИМ. И. М. СЕЧЕНОВА)

Сообщение 2. Первый этап внедрения патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете (1811—1825 гг.)

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

В литературе утвердилось мнение, что рекомендации М. Я. Мудрова, изложенные в письме М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 г. в части введения в программы "практических (руководительных) наук" патологоанатомических материалов в Московском университете, остались без последствий. "Не его (М. Я. Мудрова. — *Авт.*) была вина, что эти предложения не были осуществлены, — писал о судьбе мудровских инициатив 1805 г. более века спустя Г. А. Колосов, — это было обусловлено смертью еще в 1807 г. Муравьева, затем войной и, наконец, наступившей реакцией"¹. Еще более определенно политическая аргументация причин того, что "прогрессивные начинания" М. Я. Мудрова были осуществлены лишь спустя сорок с лишним лет звучит в статье И. М. Кодоловой, специально посвященной роли М. Я. Мудрова в развитии отечественной патологической анатомии². Действительно, внедрение патологоанатомических сведений в программы обучения "руководительным наукам" в Московском университете шло постепенно и нелегко. Университетское медицинское образование в России в начале 19-го века еще не достигло европейского, и с этим, а не с политической ситуацией, скорее всего, связана известная "медлительность" в осуществлении радикальных преобразований в Московском университете, в том числе и предложенных М. Я. Мудрова, изложенных им в письме М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 г. Впрочем, не следует забывать, что европейские университеты шли к внедрению на медицинских факультетах клинического преподавания и самостоятельных курсов патологической анатомии более двух веков. За этот срок соответствующие идеи овладели массовым сознанием европейских врачей или по меньшей мере европейской медицинской профессуры, сложились педагогический корпус и необходимая материальная база для преподавания новой науки. Кстати, М. Я. Мудров сознавал трудности воплощения в жизнь его предложений. Вспомним уже цитированный нами текст из письма М. Я. Мудрова М. Н. Муравьеву от 30 декабря 1805 г.: "...не имея ничего готового, я должен положить начало самим начинаниям" (выделено нами. — *Авт.*).

Чтобы "положить начало... начинаниям", требовалась поддержка. Для университета М. Я. Мудров был тогда просто подающим надежды "молодым специалистом", пусть обласканным начальством, но не более того.

М. Н. Муравьев открыто покровительствовал М. Я. Мудрову, и это могло решить многое. Попечитель был человеком широкообразованным, влиятельным, энергичным, решительным, и Г. А. Колосов, конечно же, прав: его преждевременная смерть может рассматриваться как одна из причин "пробуксовки" в реализации мудровских предложений.

В своих реформаторских устремлениях М. Я. Мудров рассчитывал на поддержку М. Н. Муравьева. Потому и сообщал о своих планах заранее, понимая, что если М. Н. Муравьев с ними согласится, то почва для их внедрения к его приезду будет подготовлена. М. Я. Мудров не ошибся в своих расчетах: М. Н. Муравьев, которому, несомненно, было известно о "Новом устройстве врачебного отделения Виленского университета по плану профессора П. Франка"³ и который стремился сделать находившийся на его попечении университет лучшим в России в меру имевшихся в его распоряжении возможностей, вскоре после получения мудровского "Чертежа практических наук..." начал действовать. Подтверждением того служат "Объявления о публичных учениях в Императорском Московском университете..." за 1805/06 и 1806/07 учебные годы.

¹Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг., 1915. — С. 84.

²Кодолова И. М. Роль М. Я. Мудрова в развитии отечественной патологической анатомии // *Арх. пат.* — 1951. — № 6. — С. 84.

"Иван Венсович..., — читаем мы в "Объявлении о публичных учениях..." за 1805/06 учебный год, — будет излагать анатомию по руководству Пленка, с кратким объяснением частей тела и в соответствующих случаях будет объяснять своим слушателям судебное вскрытие тел, направляя их внимание преимущественно на причины внезапной смерти на трупах, надлежаше приуроченных для этих целей доктором медицины и прозектором Алексеем Данилевским, а также на частные патологические недостатки тела..." (выделено нами. — *Авт.*)⁴. В следующем году И. Ф. Венсович и А. И. Данилевский вновь подтвердили свое намерение "устремлять внимание слушателей своих как на судебный осмотр тел, так и на встречающиеся в них иногда патологические недостатки" (выделено нами. — *Авт.*)⁵. В лекционной аудитории открытого в январе 1806 г. Повивального института Московского университета профессор повивального искусства В. М. Рихтер распорядился поместить значительное число различных анатомических и патологоанатомических препаратов, которые он использовал при чтении лекций по акушерству, детским и женским болезням.

М. Н. Муравьев начал действовать... Конечно, "...устремлять внимание... на встречающиеся... иногда патологические недостатки" не означает преподавать патологическую анатомию. В европейских университетах "...внимание слушателей... на встречающиеся... иногда патологические недостатки" устремлялось еще в 17-м веке. Не о таком масштабе внедрения патологоанатомического материала в программу обучения в Московском университете мечтал М. Я. Мудров, составляя свой "Чертеж практических наук...". Но с чего-то надо было начинать, а возможности попечителя были ограничены. В отношении медицинского факультета внедрение преподавания патологической анатомии было для него задачей не только новой, но и не основной. Университетским уставом предусматривалось введение практического преподавания внутренней медицины, хирургии, акушерства. И это было главным. Профессора же соответствующих кафедр, может быть, исключая В. М. Рихтера, относились к новым формам преподавания без особого энтузиазма. Опытный и широкообразованный Ф. Г. Политковский, имевший в Москве обширную практику, до 1803 г. в течение 20 лет читал в университете естественную историю и, несмотря на требования устава, в 1805/06 учебном году к проведению занятий в клинике еще не приступил. Профессор хирургии Ф. А. Гильебрандт в этом деле тоже поспешал медленно⁶. Обременять их очередной

³В соответствии с этим документом, утвержденным Министерством народного просвещения в 1804 г., в Виленском университете было введено преподавание патологической анатомии: первые сведения студенты получали на кафедре анатомии, на третьем году обучения в рамках кафедры "патологии всеобщей и особенной" читался специальный курс "Изяснение патологии над большими и патологические рассечения"; на трех заключительных курсах студентов знакомили с патоморфологическими данными и соответствующими им внешними проявлениями отдельных заболеваний при изложении основного предмета — "Особенной терапии и врачебной клиники" / *Сборник материалов для истории народного просвещения.* — СПб., 1897. — Т. 2. — Стб. 1120—1123.

⁴Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 53.

⁵Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых, с 1806 года Августа 17 по 1807 года Июня 28, по назначению Совета. — М., 1806. — С. 7.

⁶Подробнее см.: Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. — М., 1998. — С. 162—169.

новацией было бессмысленно. Видимо, поэтому выбор попечителя пал на молодого профессора анатомии, тем более что из письма М. Я. Мудрова ему было известно, что в ряде европейских университетов патологическая анатомия в различном объеме, вплоть до самостоятельного курса, читалась вместе с анатомией нормальной и судебной медициной, а из "Нового устройства врачебного отделения Виленского университета..." — что "по плану профессора П. Франка" первые сведения по патологической анатомии студентам должны сообщаться в курсе анатомии нормальной.

Тридцатипятилетний И. Ф. Венсович, только что ставший экстраординарным профессором анатомии, физиологии и судебной медицины вместо ушедшего в отставку Ф. Ф. Керестури, считался человеком знающим, обстоятельным, ответственным и исполнительным, "славился, как отличный преподаватель". С юных лет он был связан с университетом: закончил университетскую гимназию, философский, юридический и медицинский факультеты, два года "занимался практикой" в Московском военном госпитале. За границу не направлялся, а под руководством В. М. Рихтера готовился к акушерской карьере. С 1801 г. состоял сначала репетитором, а затем профессором при Повивальном институте Московского воспитательного дома. В декабре 1803 г. защитил докторскую диссертацию "О строении и роли плодовых оболочек и послета". В 1805 г. получил в университете экстраординарную профессуру, в 1808 г. — ординарную⁷.

Судьба А. С. Данилевского схожа, хотя "рос" он медленнее, так и не дослужившись до звания ординарного профессора. Подобно И. Ф. Венсовичу, он всю жизнь был связан с университетом, за границей не стажировался, изучал акушерство под руководством В. М. Рихтера. Параллельно с исполнением обязанностей прозектора кафедры анатомии, физиологии и судебной медицины состоял адъюнктом на кафедре повивального искусства, где читал "теорию о рукоосязании акушерском" и "науку о младенческих болезнях", а после смерти И. Ф. Венсовича (1811 г.) стал еще и профессором Повивального института Московского воспитательного дома⁸.

Как рождался вопрос о включении в курс, читавшийся И. Ф. Венсовичем, патологоанатомического материала и какие сведения из области патологической анатомии он сообщал студентам, не известно. Но похоже, что И. Ф. Венсович и А. И. Данилевский ограничивались демонстрациями отдельных обнаруживаемых при немногочисленных вскрытиях патоморфологических находок, а "Сокращенный курс анатомии..." И. Я. Пленка вряд ли что мог добавить к этим демонстрациям. К тому же маловероятно, чтобы эти демонстрации были достаточно квалифицированными: приведенные выше биографические данные не вызывают сомнений в том, что не только серьезно изучить, но даже более или менее подробно ознакомиться с состоянием современной им патологической анатомии, И. Ф. Венсовичу и А. И. Данилевскому было попросту негде. Видимо, И. Ф. Венсович и А. И. Данилевский не были удовлетворены своим невольным патологоанатомическим дефицитом, потому что с 1807/08 учебного года (сразу после смерти М. Н. Муравьева) перестали включать в "Объявления о публичных учениях..." сообщения о патологоанатомических демонстрациях. Совет факультета с этим согласился. И хотя нельзя исключить, что на занятиях по анатомии студентам продолжали эпизодически демонстрировать обнаруживаемые на вскрытиях "патологические недостатки", а В. М. Рихтер продолжал использовать анатомические и патологоанатомические препараты при чтении лекции (документов, подтверждающих или опровергающих такие предположения, обнаружить не удалось), следует признать, что после смерти М. Н. Муравьева официально (через "Объявления о публичных учениях...") сообщать о включении в программу преподавания на своих кафедрах патологоанатомических материалов никто из профессоров не захотел. А "нажать" было уже некому.

Причины неудачи муравьевского начинания с преподаванием патологической анатомии на первый взгляд кажутся очевидными. В самом деле, как можно было поручать преподавание новой дисциплины, даже в крайне сокращенном варианте, не подготовленным к этому преподавателям? Наверное, проще и надежнее было послать того же А. И. Данилевского на полгода для стажировки в Германию, например, к К. К. Зибольду или в Вильно к Й. Франку. Один год — не расчет, зато с 1806/07 учебного года элементы патологической анатомии в Московском университете читал бы подготовленный преподаватель. Но М. Н. Муравьев, по-видимому, рассуждал иначе. Подготовленный профессор — М. Я. Мудров — у него был, он ожидал его возвращения в Россию и не хотел создавать ему конкуренции.

⁷Биографический словарь. — М., 1855. — Ч. I. — С. 153—155; Рихтер В. М. История медицины в России. — М., 1820. — Ч. III. — С. 362—364.

⁸Там же. — Ч. I. — С. 286—287; Рихтер В. М. Цит. соч. — С. 368—369.

А до приезда М. Я. Мудрова решил "приучить" московских профессоров к неизбежности включения в программу читавшихся ими курсов патологоанатомических материалов. Приучить, чтобы облегчить своему любимому начало университетской карьеры. Но собственной смерти, особенно в расцвете сил (М. Н. Муравьев скоропостижно скончался в возрасте 50 лет), не предусмотрев. И эффект получился обратный: вплоть до второй половины 20-х годов 19-го века ни один из профессоров медицинского факультета не включал в "Объявления о публичных учениях..." сообщений о преподавании каких-либо сведений, относящихся к патологической анатомии, хотя в этот период реально патоморфологические материалы в преподавании в Московском университете уже использовались. Пальма первенства в этом вопросе, несомненно, принадлежит М. Я. Мудрову.

Возглавив в 1809 г. кафедру патологии, терапии и клиники, М. Я. Мудров приступил к ревизии программы обучения на своей кафедре не сразу. Лишь в 1811/12 учебном году он заменил источники преподавания: "...Мудров..., — читаем мы, например, в "Объявлении о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых с 1813 Августа 17 дня...", — предложив вкратце учение Общей Клиники, будет преподавать Частную Медицину Клиническую по руководству Иосифа Франка, заимствуя силу и объяснение правил из Практического сочинения его отца..."

Смена источников преподавания создала реальные предпосылки для того, чтобы на фоне внедрения клинического преподавания, что М. Я. Мудров считал своей первоочередной и главной задачей, обеспечивать достаточное широкое ознакомление студентов с достижениями и возможностями патологической анатомии. Проанализировав избранные М. Я. Мудровым новые источники преподавания, нетрудно убедиться, что "преподавать Частную Медицину Клиническую по руководству Иосифа Франка" означало знакомить студентов не только с симптоматикой и лечением, но и с элементами патоморфологии "органических болезней", а "заимствовать силу и объяснение правил из Практического сочинения его отца" — "объяснять сущность болезней из начал анатомии патологической" и, следовательно, исходя из положения о наличии "места болезни" (разумеется, для болезней "органических"), клинико-анатомических корреляций, первичности морфологических повреждений по отношению к симптомам заболевания.

Смену источников преподавания на кафедре патологии, терапии и клиники и, следовательно, 1811 г., можно считать точкой отсчета, началом первого этапа внедрения патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета. Этап протекал как бы скрыто — без сообщений в "Объявлениях о публичных учениях..." и продолжался до 1825 г. Он характеризуется постепенным введением конкретного патологоанатомического материала в программу курса "Частной Патологии Клинической" (прикладной, условно говоря, "клинический" путь) и курса анатомии ("анатомический" путь).

"Клинический" путь, даже в условиях теоретического преподавания, предполагал привлечение патологоанатомического материала для раскрытия "сущности", картины и "места" отдельных "болезней организации", выявление клинико-анатомических корреляций, а также объяснение симптоматики заболевания и причин смерти, обоснование диагноза и лечения исходя из морфологического повреждения. М. Я. Мудров, как следует из его письма М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 г. и ряда других документов, считал, что "патологоанатомический раздел" его курса должен преподаваться в основном практически, включая вскрытия умерших в клинике и использование патологоанатомических препаратов. Объем привлекаемого для преподавания на кафедре патологии, терапии и клиники патологоанатомического материала, по-видимому, возрастал по мере развития клинического преподавания и материально-технической базы медицинского факультета.

При "анатомическом" пути основным материалом служили обнаруживаемые при вскрытиях патоморфологические находки, которые могли обсуждаться со студентами как в чисто морфологическом (оценка и характер отклонения от нормального строения), так и в физиологическом (характеристика возможного изменения функции) или клиническом (соответствие клинической картине или симптому заболевания) аспекте. Каким на самом деле было содержание "обсуждения" патоморфологических находок при преподавании анатомии в Московском университете в рассматриваемый период, установить не удалось. Не известно также, сообщалось ли студентам о возможных патологических изменениях органов при чтении симпатического курса анатомии.

"Клинический" путь внедрения патологической анатомии в учебный процесс на начальном этапе ее преподавания оказался более эффективным. В отличие от "анатомического" пути, по сути своей тоже прикладного, он позволял сопоставлять клинические и патоморфологические данные, демонстрировать эффективность патологоанатомического метода для диагностики отдельных заболеваний, важность знания морфологических изменений при конкретных заболеваниях для назначения обоснованного ле-

чения. Одновременно "клинический" путь способствовал сравнительно быстрому осознанию общемедицинской, фундаментальной значимости патологической анатомии как науки, раскрывающей "происхождение болезненных припадков", и, следовательно, необходимости сочетания ее самостоятельного и клинического преподавания. Не случайно М. Я. Мудров уже в 1825 г. поставил вопрос об учреждении в Московском университете самостоятельной кафедры патологической анатомии.

"Положив начало самим начинаниям", М. Я. Мудров, однако, не торопился афишировать своих намерений, особенно в части насыщения преподававшегося им курса патологоанатомическими материалами. Кажется поразительным, что после писем М. Н. Муравьеву вплоть до 1818 г. не удалось обнаружить ни одного документа или какого-либо другого свидетельства о его попытках поставить перед университетскими коллегами или "высшим" начальством вопрос о введении в программы "практических наук" патологоанатомических материалов, не говоря уже о преподавании самостоятельного курса патологической анатомии. В "Объявлениях о публичных учениях..." этого периода М. Я. Мудров сообщал лишь об источниках преподавания и характере их использования. Патологическая анатомия не упоминается ни в официальных речах, ни в мудровских текстах. Это уже не случайность. Это позиция. Но чем она вызвана?

Может быть М. Я. Мудров не считал возможным связывать свое имя с преподаванием патологической анатомии, даже в сугубо прикладном аспекте, поскольку не считал себя специалистом в этой области? Об этом в "Записках старого врача" писал Н. И. Пирогов⁹. Но с таким объяснением трудно согласиться: в первом десятилетии 19-го века среди русских профессоров-медиков вряд ли можно найти такого, кто мог бы назвать себя специалистом в области патологической анатомии или кто лучше М. Я. Мудрова знал задачи и состояние этой науки и сознавал насущную необходимость ее практического преподавания на медицинском факультете. Кроме того, он владел секционным методом, много вскрывал, находясь за границей, успешно применил свои знания в области патологической анатомии и прозекторские навыки в Вильно, да и в Москве, если верить его биографам, не только "посещал вскрытия", но и "сам производил их"¹⁰. Да и не было у М. Я. Мудрова намерений выступать в роли специалиста-патологоанатома и преподавать патологическую анатомию как самостоятельную и теоретическую дисциплину: не случайно, выступив в 1825 г. с инициативой создания самостоятельной кафедры патологической анатомии, он рекомендовал "препоручить сие важное дело" Ю. Х. Лодеру¹¹.

Вероятнее всего, причина была в другом. М. Я. Мудров в течение первых почти 10 лет своей деятельности в качестве профессора патологии, терапии и клиники не мог не испытывать неудовлетворенности формой преподавания прежде всего включенного им в программу своего курса патологоанатомического материала. Еще в письме к М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 г. он особо подчеркивал, что патологическая анатомия должна обязательно преподаваться практически на препаратах или у секционного стола¹². Но осуществить это М. Я. Мудрову долго не удавалось. В его распоряжении не было ни патологоанатомического музея, ни трупов, на которых можно было бы продемонстрировать студентам "дезорганизованные останки" и, пользуясь которыми, создавать музей. Как свидетельствуют отчеты о работе клинических институтов Московского университета, ежегодно направлявшиеся в Министерство народного просвещения, за период с 1815 по 1818 г. в Клиническом Институте, находившемся в управлении М. Я. Мудрова, умерло трое больных; в Хирургическом — Ф. А. Гильдебранда за тот же период времени — четыре¹³. В этих условиях практическое преподавание патологоанатомического материала в достаточном объеме наладить не удавалось, а о преимущественно теоретическом "объяснении сущности болезней, исходя из новейших начал анатомии патологической" он не объявлял, поскольку такая форма преподавания патологической анатомии противоречила его принципам. Не объявлял, хотя и преподавал. Преподавал

как мог, применительно к условиям. А одновременно добивался расширения клинической базы, ускорения строительства нового анатомического театра. Стремился изменить условия, чтобы осуществить свои замыслы в более полном объеме. А когда удалось наладить практическое преподавание патоморфологического материала, в "Объявлениях о публичных учениях..." по кафедре М. Я. Мудрова патологическая анатомия появилась. Произошло это во второй половине 20-х годов. Но до этого, в преддверии решения вопросов о расширении материально-технической базы медицинского факультета, М. Я. Мудров начал активно добиваться официального введения практического преподавания элементов патологической анатомии в программы Клинических дисциплин в Московском университете.

В 1818 г. в связи с составлением проектов о расширении клинических институтов и создании Медицинского института¹⁴ при Московском университете М. Я. Мудров, основываясь на имевшемся у него опыте, впервые за время работы в университете поставил вопрос о необходимости преподавания прикладной патологической анатомии в курсах клинических дисциплин. "Есть ли та болезнь препобедит жизненные силы больного, — писал он в составленной в декабре 1818 г. записке министру народного просвещения "О Клинических Институтах вообще", — то в присутствии всех учащих, кои внимательными глазами наблюдают ход болезни и способ врачевания, рассекается труп, дабы увериться в причине смерти и узнать место болезни"¹⁵. Записка М. Я. Мудрова "О Клинических Институтах вообще" примечательна во многих отношениях. Во-первых, следует обратить внимание на даты составления и подачи записки. Напомним: в 1817 г. Министерство народного просвещения преобразуется в Министерство народного просвещения и духовных дел ("Министерство затмения", как горько пошутил Н. М. Карамзин). Министром назначается князь А. Н. Голицын. Реакция торжествует, и первой ее жертвой стал Казанский университет, где инспектировавший его печально знаменитый М. Л. Магницкий торжественно с соблюдением православного обряда захоронил анатомические препараты. Предпринимаются ярые попытки изгнать естественно-научные начала из преподавания на медицинских факультетах. Именно в этот период М. Я. Мудров официально настаивает на обязательном использовании вскрытий умерших в клинике в учебном процессе и, следовательно, на укреплении естественно-научных основ практической подготовки врачей. Это, конечно же, не политическая демонстрация. М. Я. Мудров тонко чувствовал политическую ситуацию, как правило, учитывал ее и немногочисленные зафиксированные его биографами политические демарши предпринимал исключительно по личным мотивам. В случае с запиской, может быть, и сознавая политическую несвоевременность постановки вопроса о введении в программу практической подготовки лекарей вскрытий умерших в клинических институтах, М. Я. Мудров мало чем рисковал, да и опасался, что в дальнейшем гайки могут быть закручены ту же. Надеялся на протекцию попечителя Московского учебного округа князя А. П. Оболенского, близкого новому министру, на другие, масонские связи. В общем с запиской все обошлось: "наступившая реакция", вопреки мнению Г. А. Колосова, не помешала. И хотя записка не была включена в пакет обязательных документов, утвержденного министром и Государем, окрика или неудовольствия по поводу патологической анатомии не последовало. А это означало, что преподавать в клинических институтах можно так, как написал М. Я. Мудров, включая обязательные вскрытия умерших в клинике "в присутствии всех учащих...", дабы увериться в причине смерти и узнать место болезни".

Во-вторых, записка М. Я. Мудрова была посвящена содержанию, объему и формам клинического преподавания "вообще", а не только внутренних болезней ("Частной Медицины Клинической"). Из этого следуют два важных вывода. Первый: изучение патоморфологии отдельных заболеваний, определение причин смерти, приобретение навыков клинико-морфологических сопоставлений составляют неотъемлемую часть практической подготовки врача, необходимую как "для приобретения

⁹ Пирогов Н. И. Собр. соч. — М., 1961. — Т. 8. — С. 218.

¹⁰ Колосов Г. А. Цит. соч. — С. 52. В. Н. Смотров пишет об этом более определенно: "Мудров уделял большое внимание патологической анатомии, всегда посещал вскрытия и часто сам производил их с целью изучения параллелизма между клиническими и секционными диагнозами (выделено нами. — Авт.). От своих учеников он требовал обязательного присутствия на секциях" / Смотров В. Н. Мудров. — М., 1947. — С. 47.

¹¹ ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, д. 2648, л. 42.

¹² Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 48.

¹³ ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, д. 1458, л. 35—36.

¹⁴ О медицинских институтах при университетах см.: Сто- чик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицин- ский факультет Московского университета в реформах просве- щения первой трети XIX века. — М., 1998. — С. 174—188; Сто- чик А. А. История создания Медицинского института Московского университета // Материалы I Съезда Конфедера- ции историков медицины. — М., 1998. — С. 166—167; Сто- чик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. К исто- рии возникновения медицинских институтов при российских университетах. Сообщение 2. Возникновение идеи создания систе- мы медицинских институтов // Проблемы социальной гиги- ены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 3. — С. 50—53.

¹⁵ РГИА, ф. 733, оп. 99, д. 68, л. 221—221 об.

надлежащей способности в распознавании и лечении болезней", так и для "познания... оных"¹⁶. Второй: проведение вскрытий умерших в клинике равно обязательно для преподавания всех клинических дисциплин — внутренних болезней, хирургии и акушерства. Такая трактовка мудровского текста (а нам она представляется достаточно обоснованной) позволяет предположить, что ко времени составления М. Я. Мудровым записки "О клинических институтах вообще" его коллеги-клиницисты хирург Ф. А. Гильдебрандт и акушер В. М. Рихтер в какой-то мере разделяли мудровскую точку зрения о необходимости введения элементов патологической анатомии в читавшиеся ими курсы и даже практического преподавания патологоанатомических материалов, относившихся к их предметам. Однако никаких документов, подтверждающих это предположение, обнаружить не удалось.

В-третьих, в записке М. Я. Мудрова четко обозначен объем использования патоморфологического материала для преподавания в клинических институтах — вскрытия умерших в клинике "в присутствии всех учащихся" для определения причин смерти и обнаружения "места болезни". Вскрытия на клинической кафедре часто проводились не могли, и указанное в записке по замыслу М. Я. Мудрова скорее всего должно было составлять объем практического преподавания "патологоанатомического раздела" клинической медицины. Наверняка предполагалось, что больший объем клинико-морфологических сведений будет сообщаться в лекциях. Обращает на себя внимание, что М. Я. Мудров не пишет о возможности использования патологоанатомических препаратов, хотя в письме М. Н. Муравьеву они названы в числе "субъектов учения".

В какой мере положения, изложенные в записке, были воплощены в жизнь до 1825 г., точно установить не удалось. О кафедре М. Я. Мудрова достоверно известно, что вскрытия на занятиях там проводились. Причем в процессе использования этой формы обучения мера активности студентов возрастала. Н. И. Пирогов, занимавшийся на кафедре М. Я. Мудрова в 1827—1828 гг., в своих воспоминаниях описал занятие, в котором студент вскрывал умершего от тифа. Описал как факт обыденный¹⁷. Известно также, что в лекциях М. Я. Мудрова патологоанатомические сведения занимали значительное место. Это подтверждает анализ источников преподавания; кроме того, об этом свидетельствует Н. И. Пирогов¹⁸.

В отношении преподавания акушерства, женских и "младенческих" болезней можно с уверенностью говорить, что В. М. Рихтер, А. И. Данилевский и возглавлявший кафедру в 1818—1826 гг. В. П. Ризенко демонстрировали на лекциях анатомические и патологоанатомические препараты. Каких-либо сведений о проведении учебных вскрытий умерших в Повивальном институте обнаружить не удалось.

В курс хирургии патологоанатомические материалы, если и включались, то в весьма ограниченном объеме. В связи с этим показательно, что в произнесенной в 1826 г. профессором хирургии Ф. А. Гильдебрандом актовой речи "О средствах, ведущих к полному и основательному познанию Врачебной науки, и лучшему упражнению в Медицинской практике" о патологической анатомии не упоминалось.

Вопрос о мере использования "анатомического" путем внедрения элементов патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета до 1819 г., когда анатомию в университете начал читать Ю. Х. Лодер, остается недостаточно ясным. После смерти И. Ф. Венсовича (1811 г.) кафедру анатомии, физиологии и судебной медицины короткое время возглавлял И. Е. Грузинов. В 1813—1818 гг. анатомию читал Е. О. Мухин, связь которого с преподаванием патоморфологических материалов теоретически представляется вполне реальной и логичной. Во-первых, он был не только опытным прозектором, но и опубликовал несколько патологоанатомических работ. Во-вторых, по данным Ю. Х. Лодера в анатомическом музее Е. О. Мухина имелось некоторое количество патологоанатомических препаратов, которые он вполне мог демонстрировать и объяснять студентам на лекциях. В-третьих, Е. О. Мухин считал патологическую анатомию составной частью единой анатомической науки. "По сему анатомия, как наука, — писал он в "Курсе анатомии", — когда при упражнении на трупах объясняет причину смерти и предшествовавших оной болезненных явлений, называется патологической (Pathologica)"¹⁹.

Однако в чрезвычайно обширном "Курсе анатомии" патологоанатомических сведений практически не содержится, а предпринятые нами попытки обнаружить какие-либо прямые сви-

детельства включения Е. О. Мухиным патологоанатомических сведений в программу преподавания анатомии нормальной успехом не увенчались.

Это, конечно, не исключает того, что Е. О. Мухин демонстрировал студентам обнаруживаемые на вскрытиях патологоморфологические находки. Более того, эти демонстрации могли проводиться достаточно часто. Ученик Е. О. Мухина профессор А. О. Армфельд свидетельствует, что "он постоянно заботился о доставлении анатомическому театру такого количества трупов, чтобы каждый студент имел полную возможность упражняться в трупорассечении"²⁰. Для обеспечения университетского анатомического театра трупами Е. О. Мухин использовал все, в том числе свои возможности "первенствующего доктора" Голицынской больницы и старшего доктора воспитательного дома. И, следовательно, в анатомический театр Московского университета для "своеручных упражнений" студентов могло попадать относительно большое число трупов умерших от различных заболеваний.

При такой постановке дела патологоанатомических находок могло быть не мало. Но от Е. О. Мухина с его устремленностью к осмыслению процессов регулирования жизнедеятельности и управления функциями, анатомофизиологических корреляций ожидался больший интерес к патологической анатомии и прежде всего потому, что патологоанатомическая доктрина, если можно так выразиться, изначально физиологична. Физиологична, поскольку с момента своего возникновения связывает симптом заболевания, представляющий собой извращенную функцию, с поврежденной структурой, трактует симптом как функцию поврежденной структуры.

Наши "ожидания" в известной мере оправдались: следы патологоанатомических интересов Е. О. Мухина обнаружились. Но обнаружили в материалах, относящихся к периоду, когда анатомию он уже не преподавал. В отчетной "ведомости" о проведенных им в 1820/21 учебном году занятиях по "Классу Физиологии и Судебной Медицины" Е. О. Мухин сообщил о прочтении цикла лекций по патологической анатомии. "Продолжена была Физиология об отравлении больных внутренностей, — писал Е. О. Мухин в "ведомости", — потом Судебная Медицина в уголовных предметах, и Анатомия Патологическая, причем часто чинимы были повторения и анатомо-физиологические демонстрации"²¹. Примечательно, однако, что в "Объявлении о публичных учениях..." Е. О. Мухин анонсировал другую программу занятий²², а в отчетных "ведомостях" до и после 1820/21 учебного года упоминаний о патологической анатомии не встречается.

Содержание и объем прочитанного Е. О. Мухиным цикла лекций по патологической анатомии не известны. Но даже зная о его склонности несколько преувеличивать масштабы содеянного, нет оснований сомневаться, что речь идет не об отрывочных сведениях, а об обстоятельном изложении морфологии "больных органов" (или "больных внутренностей"). Если это так, то даже при огромной работоспособности Е. О. Мухина он вряд ли смог бы прочитать его экспромтом: отдельные части этого цикла, несомненно, апробировались в предшествующие годы. Более того, нельзя исключить, что основой его послужили проведимые ранее при преподавании анатомии демонстрации патоморфологических находок.

Прочитанный Е. О. Мухиным цикл лекций по патологической анатомии, видимо, не оставил сколько-нибудь заметного следа в памяти современников. О связи Е. О. Мухина с преподаванием патологической анатомии не пишет никто. И, следовательно, даже если он систематически использовал патологоанатомические материалы в преподавании своего курса, его влияние на решение вопроса о внедрении патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета было не существенным. Не случайно Н. И. Пирогов связывает возникший у него в студенческие годы интерес к патологической анатомии не с Е. О. Мухиным, к ко-

²⁰ Биографический словарь. — Ч. II. — С. 144.

²¹ ЦИАМ, ф. 453, оп. 1, д. 1433, л. 107.

²² "Ефрем Мухин... будет продолжать Физиологию по руководству Г. Прохаски на Русском языке, с собственными замечаниями и прибавлениями, делая притом опыты над животными для объяснения некоторых явлений, происходящих в живом человеческом теле. Кончивши курс Физиологии, преподает слушателям своим Судебную Медицину по руководству Г. Пленка, потом будет преподавать науку о ядах и вместе противоядных средствах по руководству того же автора, а между тем будет упражнять своих слушателей в кратком повторении своих лекций каждую неделю и заставлять их объяснять преподаваемые лекции кратко и внятно" // Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17-го дня Августа 1820 по 28 Июня 1821 года. По назначению Совета. — М., 1820. — С. 9.

¹⁶ РГИА, ф. 733, оп. 99, д. 68, л. 220.

¹⁷ Пирогов Н. И. Цит. соч. — С. 220.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Мухин Е. О. Курс анатомии. — М., 1815. — XIV.

тому относился с большим пиететом и как к профессору, и как к своему благодетелю, а с М. Я. Мудровым.

Итак, можно считать установленным, что отдельные профессора медицинского факультета в течение 1811—1825 гг. использовали как "клинический", так и "анатомический" путь внедрения патологической анатомии в программу обучения студентов. Поскольку это делалось неофициально, без благословения Совета, университетского или петербургского начальства, согласование усилий этих профессоров могло осуществляться только на уровне личной договоренности. Несомненно, творческий альянс, в частности, М. Я. Мудрова и Е. О. Мухина, в деле внедрения преподавания новой науки повысил бы эффективность их усилий (например, демонстрации патоморфологических находок могли использоваться не только в преподавании анатомии). Но, к сожалению, каких-либо свидетельств о наличии такого альянса обнаружить не удалось. Более того, создается впечатление, что личные отношения между двумя ведущими профессорами медицинского факультета, вопреки распространенному в литературе мнению, никогда не были безоблачными. Скрытое соперничество, вероятно, существовало еще тогда, когда Е. О. Мухин на правах друга часто бывал в хлебосольном мудровском доме. М. Я. Мудров, несомненно, был значительно образованней, Е. О. Мухин — более волевым и напористым. На первых порах Е. О. Мухин нуждался в поддержке М. Я. Мудрова, без которой вряд ли получил бы в Московском университете кафедру анатомии, физиологии и судебной медицины. Нельзя, кстати, исключить, что проводить демонстрации патоморфологических находок он начал под влиянием М. Я. Мудрова. Однако сближение их было кратковременным и сравнительно скоро трансформировалось в открытую вражду. Поводом для окончательного разрыва послужил альянс М. Я. Мудрова с Ю. Х. Лодером, приглашенным в университет преподавать анатомию вместо Е. О. Мухина²³.

Приход в университет в 1819 г. Ю. Х. Лодера и открытие в 1820 г. нового современного анатомического театра, где была размещена приобретенная Государем знаменитая лодеровская анатомическая коллекция — события, сыгравшие важную роль в становлении патологической анатомии в Московском университете.

Один из ведущих анатомов и клиницистов Европы Ю. Х. Лодер знал о патологической анатомии не понаслышке. Еще в 1805 г. М. Я. Мудров в письме М. Н. Муравьеву писал о читавшемся Ю. Х. Лодером в Гальском университете патологоанатомическом курсе, как об образце практического преподавания

патологической анатомии²⁴. Патологоанатомические исследования Ю. Х. Лодера носили практическую направленность и получили высокую оценку современников. Наконец, Ю. Х. Лодер был создателем уникальной анатомической коллекции, включавшей около двух тысяч патологоанатомических препаратов, которая с 1819 г. принадлежала Московскому университету²⁵ и могла быть использована для преподавания патологической анатомии как им самим, так и преподавателями клинических кафедр.

М. Я. Мудров и Ю. Х. Лодер быстро нашли общий язык, и во многом благодаря их творческому содружеству к 1835 г. был решен вопрос о преподавании патологической анатомии в российских университетах как самостоятельной дисциплины.

Поступила 09.09.99

²³Распространенное в литературе мнение, что Е. О. Мухин был отстранен от преподавания анатомии в результате интриг Ю. Х. Лодера, в последние годы подвергнуто сомнению. Ю. Салакс на основе изучения архивных материалов установил, что прибывший в Москву в 1817 г. министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын после осмотра университета "нашел, что анатомический театр с кабинетом своим был в очень плохом состоянии, что не соответствовало ни пространству, ни значению университета, ни числу студентов, изучающих врачебные науки" (Salaaks J. Justus Christian von Loder's Kranken an stalten in Russland. — Diss. Med. — Berlin, 1991. — S. 184). Вероятнее всего, именно в связи с этим Е. О. Мухин в 1818 г. оставил преподавание анатомии. В течение 1818/19 учебного года курс анатомии читал адъюнкт его кафедры П. А. Воскресенский ("Объявления о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17-го Августа 1818 по 28 Июня 1819 года. По назначению Совета. — М., 1818. — С. 8.) и лишь с 1819 года преподавание анатомии перешло к профессору Ю. Х. Лодеру ("Объявления о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17-го Августа 1819 по 28 Июня 1820 года. По назначению Совета. — М., 1819. — С. 8.).

²⁴Письма М. Я. Мудрова... — С. 48.

²⁵РГИА, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 10.